

РОЗОВЫЯ ГИРЛЯНДЫ¹

По поводу смерти Борисова-Мусатова.

[63]

Пышнолиственный кустъ свѣяль розы перловыя на левкой сладкій;
песокъ скрипитъ подь ногой, когда уходишь въ глубь дорожки. Скрипки
рыданье къ далямъ розовымъ приглашаетъ... Мигъ, и уйдешь вдаль.

Вспоминаешь, что стоишь передъ полотномъ, и итти некуда. Но чу!
Рыданье скрипки еще раздается откуда-то издали.

Велика власть чаръ музыкальныхъ въ произведеніяхъ Борисова-
Мусатова, — власть чаръ ласковыхъ да улыбчивыхъ. Вихрь звуковъ, тихая
зеркальность напѣвовъ мелодійныхъ, нарастая, повисли въ пространствахъ
души внимающей,—и словно осадились росами хладными мусикійскіе вздохи;
и въ туманности чаръ зачалась симфонія облаковъ, шелка и розовыхъ-розовыхъ
гирляндъ.

И звуки изъ хаоса небытія вызвали образъ прошлаго родимый.

Овѣяны силой магической эти уборы, эти салопы, эти шелка; будять въ душѣ
вздохи арфъ эоловыхъ. Точно самъ Эоль стояль за плечомъ художника,
нашептывая вихряными устами красочныя гаммы. Всюду въ творествѣ
Мусатова

[64]

вихряные токи гаммъ перекрещиваются узлами. Эти-то узлы и являются намъ,
какъ образы задумчивой старины, созерцающей безвольно эоловы вихри
глубинъ занавѣшенныхъ. Всюду у Мусатова за зеркальной поверхностью
тишины буря романтики.

Часто имя Мусатова соединяли съ именемъ Сомова, какъ будто между
ними есть что-то общее. Общность подчасъ изображаемой эпохи—вотъ

¹ Андрей Белый, «Розовые гирлянды», *Золотое руно*, 1906, №3, 63-65.

единственная область ихъ объединенія. Сомовъ—художникъ-реалистъ. Мусатовъ—романтикъ. Сомовъ знатокъ изображаемой эпохи: множествомъ незамѣтныхъ подробностей воскрешаетъ онъ образъ жизни минувшей. Онъ идетъ отъ поверхности изображаемаго къ вѣчно поющей душѣ его, отъ быта къ музыкѣ. Наоборотъ: Мусатовъ выводитъ подробности быта изъ вѣчно поющаго души водомета. Сомовъ мужествененъ. Мусатовъ, наоборотъ, женствененъ. Сомовъ серьезенъ, подчасъ сухъ до педантичности. Эта видимость сухости, однако, является однимъ изъ главныхъ достоинствъ творчества художника: она указываетъ на умѣніе владѣть своимъ творчествомъ. Мусатовъ влажно скользитъ на лугахъ души, оставляя росу воспоминаній. Сомовъ—художникъ законченный; огромный талантъ его вошелъ въ берега. Въ предѣлахъ этихъ береговъ онъ охотится создавать произведенія вѣчныя, но самые предѣлы не переступить. Вѣчно поющая струна рыдала въ душѣ Мусатова, и берега его творчества не опредѣлились для насъ. Его пѣсня то какъ райская птица на „суку извилистомъ и чудномъ” качалась надъ дѣдовскимъ домомъ, то, распустивъ паруса облачные свои неслась прочь отсюда, улетала къ инымъ берегамъ, въ эпохи иныя.

Изображая прошлое, Мусатовъ не былъ съ нимъ связанъ, тогда какъ Сомовъ обреченъ остаться въ границахъ, нынѣ опредѣляющихъ его дарованіе.

Изобрази Сомовъ гирлянды розовыя, мы поразились бы стильностью этихъ розовыхъ гирляндъ. Получилась бы прелестная заставка къ книгѣ, изданной во вкусѣ XVIII столѣтія. Никогда не сумѣлъ бы Мусатовъ нарисовать стильной заставки. Лепестки цвѣтиковъ розовыхъ завились бы у него въ кудри облачныя, и гирлянды понесли бы насъ къ широкимъ просторамъ. Гирлянды розъ оказались бы облаковъ гирляндами, плывущими тихо надъ вечерне-дышащей влагой пруда. Отъ облаковъ перешелъ бы Мусатовъ къ вѣчно розовымъ думамъ, гирляндой музыки проплывающимъ въ душѣ. И вотъ буря романтики изорвала бы стиль заставки: вихрь музыки растрепалъ бы цвѣтиковъ

листики, изъ-подъ нихъ зазіяли бы дали просторовъ, раздались бы гласы сыновъ Эола. Не могъ бы Мусатовъ нарисовать заставки изъ розовыхъ гирляндъ, потому что все творчество его—заревыя гирлянды.

Мы видѣли, какъ сплетались гирлянды эти, какъ поплыли на вечерней зарѣ, какъ рассыпались розы на шелковыхъ

[65]

платьяхъ музыкой менуэта, чтобы опять и опять сочетаться въ еще болѣе пышные узоры.

Смерть оборвала гирлянды, рассыпала розы, развѣяла лепестки. Но вѣтръ творчества взвилъ ихъ снова передъ нами. Замелькали опять знакомые лепестки: творчество Мусатова, оборвавшись въ немъ, незамѣтно откликнулось въ душахъ его почитателей: лунной струйностью пролилось у П. Кузнецова, махровыми астрами завилось у В. Миліоти.

Есть школа Мусатова. И то, что она не связана съ опредѣленной эпохой, яснѣе всего говорить намъ о томъ, что творчество Мусатова, будучи свободно, слегка и извнѣ вуалировалось эпохой и стилемъ. Этотъ прозрачный вуаль эпохи придавалъ произведеніямъ Мусатова произвольную кокетливую легкость и музыкальность, столь плѣнявшую насъ.

Розовыя гирлянды, имъ сплетенныя, должны мы бережно сохранить, дабы украсить имъ жертвенникъ искусства.

А н д р е й Б ѣ л ы й.